РЕТВИЗАНЪ.

(Разсказъ матроса Ситникова).

И еще былъ у насъ отбитый у Шведовъ корабль, Ретвизанъ: онъ взятъ славнымъ образомъ на погонѣ нашимъ фрегатомъ Венусомъ, въ 1790 году, Капитаномъ — котораго всѣ мы еще знали Адмираломъ — Крономъ. Этотъ Ретвизанъ, какъ упрямый Шведъ, также было чуть не отбился отъ рукъ нашихъ, но покорился; объ этомъ матросъ Ситниковъ, бывшій въ 1799 году на Ретвизанѣ, довольно толково разсказывалъ такъ:

Командиромъ былъ у насъ А. С. Грейгъ, сынъ знаменитаго Адмирала, и самъ послѣ Адмиралъ. И офицеры Ретвизана всѣ почти были извѣстны всему флоту: М. Т. Быченскій, С. И. Миницкій, Н. А. Хвостовъ, ходившій вокругъ свѣта и послѣ пропавшій безъ вѣсти, съ товарищемъ своимъ Давыдовымъ....

Славное это было время. Русская эскадра подъ Адмираломъ Макаровымъ была послана въ товарищи Англійской, къ

Адмиралу Дункену; хоть и нельзя сказать, чтобы мы много надѣлали дѣла — потому что большихъ сраженій небыло — да за то ни въ чемъ не ударили лицомъ въ грязь; и дружно жили съ Англичанами, какъ офицеры, такъ и наша братья, да и ни въ чемъ не отставали отъ первыхъ въ свѣтѣ моряковъ, отъ Англичанъ. Это можно молвить безъ похвальбы. Бывало отъ брамсельныхъ и до послѣдняго трюмнаго, всѣ взапуски рвались, чтобы ни въ чемъ не отстать отъ Англичанъ — и развѣ что только одинъ разокъ удастся имъ въ какомъ нибудь пріемѣ перещеголять насъ, а на второй и третій разъ — смотришь, ужъ они сами только держись, чтобы не отстать!

Бывало не только господа офицеры, гдѣ ни сойдутся, толкуютъ все о своемъ дѣлѣ: кто чище сталъ на якорь, отдавъ разомъ всѣ фалы и шкоты и осаживая гитовы, — кто кого чѣмъ перещеголялъ, кто изподъ-кого вышелъ на вѣтеръ при лавировкѣ, — а и наша братья одно это во снѣ видѣла, — да за трубкой ли вкругъ кадки, за чаркой ли на берегу, — все объ одномъ этомъ рѣчь

вела, да отбирая расторопныхъ отъ вислоухихъ, съ первыми только зналась и водилась.

Бывало, приходитъ весна, солнышко начинаетъ грѣть, начинаютъ поговаривать о вооруженіи флота — и спишь и видишь, и ждешь не дождешься первой вешней дудки въ гавани, словно перваго жаворонка! И душу радуетъ, и сердце веселитъ, словно что родное!

Англійская эскадра высадила войска на Голландскій берегъ, гдѣ у мыса Гельдера стояло 8 Голландскихъ кораблей, 3 фрегата и шлюпъ. Англійскій Адмиралъ Дункенъ отдѣлилъ отъ себя 8 кораблей, да еще два нашихъ, чтобы взять эту эскадру. Отъ насъ пошли Ретвизанъ и Мстиславъ, подъ командой А. С. Грейга и А. В. Моллера.

Снялись со свѣтомъ 19–го Августа и пошли. Но Голландцы въ проходѣ къ острову Текселю сняли всѣ баканы и насъ вели кой–какіе лоцмана. Путь былъ опасный. Впереди шелъ Англійскій корабль Глатонъ. Забуровивъ на одномъ поворотѣ фарватера, онъ прошелъ — но второй за

нимъ, нашъ Ретвизанъ, сидѣвшій по глубже его, сѣлъ. Кто успѣлъ, изъ заднихъ, остерегся; но за всѣмъ тѣмъ еще два Англичанина сѣли подлѣ насъ.

Я стоялъ въ это время на рулѣ, Командиръ и всѣ офицеры были на верху, готовясь къ сраженію; шли мы полнымъ вѣтромъ. Только что Ретвизанъ дрогнулъ, какъ Командиръ закричалъ: руль на бортъ, — но корабль уже ударился въ другой разъ и сталъ плотно.

Вода шла на прибыль; живо закрѣпили паруса, завезли верпъ и подняли сигналъ. Лоцманъ стоялъ чуть живой. Два Англійскихъ шлюпа подошли на помощь нашу, но какъ въ это время у нихъ сталъ за нами на мель корабль Америка, то одинъ шлюпъ пошелъ къ нему, а другой бросилъ якорь и принялъ съ Ретвизана два кабельтова, которые взяли на шпили — одинъ у насъ, другой у нихъ. Корабль сталъ было подаваться, но какъ съ тѣмъ вмѣстѣ и самый шлюпъ по немногу тащило къ намъ, то онъ побоялся, чтобы не свалиться; а какъ имъ при томъ показалось,

что корабль сошелъ съ мели, то на шлюпѣ вдругъ отдали кабельтовъ — корабль опять сталъ. Былъ уже вечеръ, вода пошла на убыль и покуда справились, нельзя было никакими силами его тронуть. Рѣшились ждать прилива.

Всѣ корабли проходятъ мимо насъ — въ томъ числѣ и Мстиславъ спѣшитъ въ дѣло, а мы словно посажены на–цѣпь. Такая кручина взяла, что хоть бы головою въ бортъ ударился. Одно намъ оставалось утѣшеніе смотрѣть на товарищей своихъ по бѣдѣ, на Англійскій корабль и фрегатъ; хоть упрекать не станутъ!

Но за ночью вся эскадра стала на якорь. Мы между тѣмъ, встрѣчая отливъ, поставили стрѣлы, опуская ихъ съ привязанными къ одному концу баластинами и снайтовливая другіе концы, поперегъ судна, черезъ порты. Такъ простояли мы, при свѣжемъ вѣтрѣ и волненіи, всю ночь и еще за полдень; пришелъ приливъ и мы стали вытягивать всѣми силами завозъ. Команда рвалась и протащивъ корабль цѣлый кабельтовъ по

илу и песку, выбилась изъ силъ. Опять вечеръ наставалъ, вѣтеръ крѣпчалъ, корабль начинало сильно бить обо–дно. Съ бакштова сорвало гребное судно, на которомъ были три матроса — и помощи нельзя было имъ подать; шлюпъ стало дрейфовать и онъ наскоро снялся и отошелъ; лоцманскую лодку съ 15–ю матросами и офицеромъ сорвало съ якоря и унесло на островъ Тексель; мы спустили на низъ стеньги и реи, все время стрѣляя изъ пушекъ; вода пошла на убыль; командѣ дали передохнуть, роздавъ по сухарю и по чаркѣ.

Настала ночь; буря разыгрывалась; корабль колотило, вокругъ бѣдствующіе Англійскіе корабли палили изъ пушекъ, волненіе расходилось. На Ретвизанѣ показалась течь; палубы его отъ ударовъ трещали и грозили провалиться; румпель переломило, руль попортило; барказъ, пришедшій съ вечера на помощь и отданный на бакштовъ, залило и поставило вверхъ килемъ; волна подымала корабль и раступаясь подъ нимъ бросала его на дно

моря, съ такимъ стукомъ и трескомъ, что надо было ждать ему конца. Команда молилась и молча глядѣла на Командира: въ такую пору ни отъ кого нельзя ждать спасенія, какъ отъ Бога, да отъ него. Наконецъ, къ довершенію бѣдъ, корабль Америку стало тащить по мелямъ, прямо на насъ: пришлось хоть обняться, да и утопиться.

Въ этомъ отчаянномъ положеніи Капитанъ нашъ, видя что спасенія нѣтъ, а между тѣмъ корабль временемъ волною вздымаетъ, приказалъ обрубить канатъ и поставить нижніе стаксели. Вѣтеръ забралъ, и корабль, словно на прыжкахъ, отъ одной волны до другой, пошелъ по грядамъ мелей и каменьевъ, потащивъ за собою принайтовленные, вмѣсто подпоръ, запасныя стеньги и реи! Мачты дрожали, едва можно было устоять на ногахъ, а толстая наружная обшивка, отдираемая каменьями, всплывала на вершины валовъ — но корабль былъ спасенъ. На одиннадцати саженяхъ бросили якорь; живо исправились и къ утру готовы были итти въ

сраженіе; но утро вечера мудренѣе: Голландцы передумали драться и эскадра ихъ безъ выстрѣла сдалась.